

СВЕЧА СВЯТОЙ АННЫ

РАССКАЗ

АННА МАТВЕЕВА
Родилась в Свердловске. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета. Первые публикации появились в середине 90-х годов. Автор множества книг: «Заблудившийся жоней», «Па-де-трау», «Перевал Дятлова, или Тайна девяти» («лучшая вещь в русской литературе 2001 года»,

по мнению Дмитрия Бынова), «Небеса», «Голев и Настро», «Найти Татьяну», «Есть!», «Подожди, я умру — и приду», «Девять девяностых», «Завидное чувство Веры Стениной», «Призрани оперы», «Лолотта», «Горожане», «Спрятанные рени». Лауреат премий Lo Stellato (Италия), журнала «Урал», премии имени Банова,

финалист российских литературных премий — имени Белкина, Юрия Назанова, «Большая книга», «Национальный бестселлер», Бунинской премии и др. Произведения переведены на итальянский, английский, французский, чешский, китайский, финский, польский языки.

...Произведения искусства – не сестры милосердия. Кто ищет утешения, должен молиться.

Ремарк

Икона – не портрет.
А все же лик.

Моя привычка молиться по утрам сразу после того, как проснусь и открою шторы (за ними может обнаружиться все что угодно, я живу в интересном дворе), – неотменима, но по сути своей это почти что гигиеническая процедура. Я едва продвинулась за последние двадцать лет – примерно столько заняли мои неловкие попытки воцерковиться, ну или хотя бы не чувствовать себя в храмах совсем уж раженной самозванкой.

Тем не менее я молюсь каждый день, и у меня даже есть два любимых складенька, на которых пришлось менять крепления, – складеньки объездили со мной полмира.

От традиционного портрета икона отличается не только предназначением, но и стилем изображения: здесь нет светотеней, нет тех ухищрений, что придают написанным на плоской поверхности лицу и фигуре объем и пресловутую живость. Образ, как говорят иконописцы, должен быть светоносен

целиком. Даже если мы в точности знаем, как выглядел святой (например, царственные страстотерпцы или Матрона Московская), иконописец избегает фотографического сходства – он пишет лик более общим, условным. И все-таки узнаваемым.

Иконы моего детства – бабушкины и тети-Марусины, самой богомольной во всей нашей семье женщины, – были спрятаны за стеклом и украшены искусственными цветами. Я их редко разглядывала, разве что Богородицу – бессонной ночью на нее было очень удобно смотреть. Цветы я помню лучше, крепче лика.

А крохотную иконку святой Анны Кашинской мне подарила племянница, еще когда училась в школе. Таким образом, я знала об этой святой лишь то, что она есть. Даже не произносила правильно ее имя – пытаюсь облагородить, уйти от сермяжной «каши», говорила, по-моему, Каши́нская.

Тогда как она, конечно же, Ка́шинская, по городу Кашин.

Да и в чудеса я тоже как-то не очень верила, точнее, считала, что они могут случиться с кем угодно, только не со мной. «Чуда не произошло» – девиз всей моей жизни (и внизу, мелким шрифтом: «...но я не жалею!»).

Вдруг накануне деловой поездки в Тверь мне написала хорошая знакомая из Петербурга. После

Твери я как раз собиралась в Петербург на несколько дней. Стандартный маршрут императрицы – с ночевкой в путевом дворце, то есть в отеле туристического класса.

«Я сегодня встретила О., – писала знакомая, – она спросила, как у вас дела, и сказала, что если вы вдруг соберетесь в ближайшее время в Тверь, то вам нужно обязательно посетить места, связанные с Анной Кашинской».

Я в этот момент как раз упаковывала вещи в чемоданчик, и после этих слов они у меня посыпались в разные стороны.

«А вы, я извиляюсь, откуда знаете про Тверь? – поинтересовалась я. – Я никому не рассказывала, в соцсетях не писала!»

«А я и не знаю. Это просто предположение О.»

О., в отличие от меня и моей знакомой, была женщина богомольная, вот ее бы в храме точно никто не принял за ряженую самозванку.

Я писала в Петербург на телефоне и одновременно с этим гуглила в компьютере святую Анну Кашинскую. Выходило по всему, что молятся ей в очень трудных жизненных ситуациях – при тяжелой болезни, например, и других испытаниях. Была благоверная княгиня Анна сначала ростовской княжной, а потом – женой святого Михаила Тверского, похоронила чуть ли не всю свою семью, после чего приняла постриг с именем София (Ефросинья), а жила в Кашине, где и хранятся ее мощи. Город святой Анны стоит на берегу реки Кашинки, причем русло ее изгибается так затейливо, что образует петлю в виде сердца. Или китового хвоста.

В схиме к монахине вернулось имя Анна.

Интересный факт – когда Кашинскую прославили в лике святых, довольно быстро после этого случилась деканонизация. Это когда из святых как бы отчисляют за несоответствие званию.

В случае со святой Анной решение принимала целая комиссия во главе с патриархом Иоакимом. Осмотрев нетленные мощи святой, обнаруженные спустя триста лет после конца ее земной жизни, отцы обратили укоризненное внимание на то, что пальцы княгини сложены двуперстно. Это открытие могло усилить старообрядцев, с которыми шла тогда лютая борьба, – троеперстие провозглашалось единственно верным перстосложением. Хотя дело было не только в этом, просто житие многоскорбной княгини составлял старообрядец Игнатий Соловецкий, один из видных тогдашних диссидентов, бывший ко всему еще и сторонником самоожжения.

Решено было Анну Кашинскую из лика святых отчислить, мощи ее захоронить, раку уничтожить, храм в ее честь переименовать, иконы изъять, а житие подвести под анафему. И все те чудеса, все исцеления, которые происходили на мощах святой, отныне полагалось считать не чудесами, хотя они продолжали происходить вне зависимости от решения отцов церкви. Их запоминали, записывали, передавали от отцов к детям, от дедов к внукам. Княгиня хранила родной город от войн, смертей и мора, исцеляла больных и помогала обездоленным. Постепенно к Анне Кашинской вернулось и официальное почитание, которое было у нее забрано, – но уж очень постепенно, неспешно. Несколько веков на все это ушло. Решение о повторной канонизации подписал уже Николай II в 1908 году. Стали появляться иконы благоверной княгини – на моей святая стоит на берегу реки и, как сказано в описании, «вопрошающе и смиренно взирает на Господа, появившегося в небе, на заднем плане видны здания монастыря, где жила святая, и Успенская церковь, где покоятся ее мощи».

Единственный, как сказано, случай двойной канонизации в истории Русской церкви.

Стоял октябрь, темноло быстро. Чемодан так и лежал несобранный, переписка продолжалась.

«Это что, типа, предупреждение?» – нервничала я.

«Сейчас позвоню О.», – сказала знакомая из Петербурга, а я, пока она звонила, написала другу в Тверь. Сказала, что буду у них полдня в командировке и что мне бы очень хотелось попасть в какое-то место, связанное с Анной Кашинской.

Мой друг журналист знает массу полезных вещей.

«У нас буквально на днях открыли у ЗАГСа памятник Анне Кашинской и Михаилу Тверскому! И за городом установлен крест на том месте, где Михаил прощался с Анной, отбывая в Орду, к Узбек-хану на верную смерть».

Я еще сильнее занервничала, как будто сама отбывала на верную смерть – в «Сапсане» с Ленинградского вокзала, вагон девятый, место не у стола, по ходу движения.

«Это, конечно, здорово, но мне бы что-то более церковное. С мощами», – жалко добавила я, чувствуя себя законченным мракобесом, который в храм ходит не по истинной вере, а за чудом.

«Слушай, ну это надо в Кашин. Одним днем точно не обернемся, тем более если ты освободишься после пяти! Сейчас подумаю, что можно сделать. Напиши знакомым батюшкам».

Я бросила в чемодан что-то явно ненужное в поездке.

Бренькнул телефон. Петербург.

«О. пишет, что вам нечего бояться. Но сходимость обязательно нужно».

Мне было все равно не по себе.

Булькнул мессенджер. Тверь.

«Я нашел! Есть старинный храм, где Анна принимала постриг. Если ты выйдешь ровно в пять, мы успеем!»

Я так волновалась перед дорогой, что перепутала названия городов и сказала сыну, что еду не в Тверь, а в Пермь. Он спросил, уверена ли я, что мне нужно на Ленинградский вокзал? А потом великодушно согласился, что названия вправду похожи.

Ну и реки что в Перми, что в Твери – могучие. Просторная пермская Кама, юная тверская Волга...

На этом, впрочем, сходство заканчивается.

До Перми ехать восемнадцать часов, до Твери – час с небольшим.

С волнением ступила я на перрон тверского вокзала. В голове играла песня БГ «Из Калинина в Тверь»: *«Я пришел, чтоб опять восхититься совершенством железных дорог...»*

Чем хороши командировки, так это тем, что за работой здесь думаешь только о работе.

В пять я усилием воли оторвалась от коллег – и побежала к кинотеатру «Звезда», на парковке которого уже поджидали меня друг с женой. Жена за рулем. У них была новая машина. А кинотеатр «Звезда» был старый – памятник конструктивизма, здание в форме бинокля.

Но мне впервые в жизни было не до памятников конструктивизма. Я как-то чересчур близко к сердцу приняла всю эту историю и теперь переживала, что не смогу помолиться святой Анне правильно, опасалась, что она меня не услышит.

Покровская церковь, куда меня привезли друзья, стоит на берегу реки Тьмаки. Ей больше двухсот лет, но даже этого явно недостаточно для того, чтобы святая Анна Кашинская могла принять здесь постриг в XIV веке.

– Да, этот храм выстроили на месте *того*, – сказал мой друг, – но зато здесь хранятся частицы мощей святой Анны!

Я вошла под своды церкви, как сомнамбула. Мне показали нужную икону, и я обратилась к святой Анне со всей искренностью.

«Я не очень понимаю, зачем я здесь, – сказала я, – но раз ты сказала прийти, то вот я. Пришла. Я не хочу тяжело болеть, а кто хочет? Особенно сейчас. И я каждый день боюсь за всех своих близких, а кто

не боится? Особенно сейчас. Если это не как-то чересчур, то, может, ты дашь мне какой-нибудь знак? Ну чтобы я понимала, чего именно мне стоит опасаться? О чем ты меня хочешь предупредить?»

Я говорила все это, а сама вспоминала финальную серию «Черного зеркала», где все действие проходит под крики: «Дай же мне знак!» Я смотрела эту серию в шотландском замке Хоторнден, во время обеда, заедая сэндвичами овощной суп-пюре. За окном шумела горная река Северный Эск, в траве гуляли глупые фазаны, а в первый же день на прогулке я встретила лису, от которой душно пахло псиной. Интересно, я когда-нибудь еще буду в Шотландии?

Вот такая я молитвенница. Ни сосредоточенности, ни святости, ничего. Анна Кашинская и разговаривать со мной не станет.

Друг деликатно кашлянул сзади. Его жена ставила свечи за упокой.

– Держи, я тебе иконку купил. Там на обороте молитва.

Тропарь, глас 3.

Днесь восхваляем тя, преподобная мати, великая княгиня инокине Анно: яко бо лоза плодovitа посреди терния, процвела еси во граде Кашине твоими добродетельми, всех удивила еси чудным твоим житием, темже Христу Богу угодила еси, и ныне, радуящися и веселящися, пребываеши с лики преподобных жен, наслаждающися райский красоты и веселия. Молим убо тя: моли о нас Человеколюбца Христа Бога нашего даровати нам мир и велию милость.

Надо было, наверное, простереться перед иконой – как стираются правильные богомольные люди. Упасть, выставив на всеобщее обозрение подметки. Но я всего лишь стояла угрюмо перед образом и думала: вот никак не отпускает меня земное, поверхностное... Не зачтется мне эта молитва.

Купила свечу, опалила с одной стороны, зажгла и поставила, укрепив в выемке.

Захотелось курить.

Вот тебе и богомолье.

Друзья чувствовали мое настроение, но не спрашивали. Отвезли в ресторан. Там я немного отмякла. Мы что-то ели, о чем-то разговаривали... Я слегка забыла про Анну Кашинскую и свое молитвенное фиаско, предвкушала завтрашнюю поездку в Петербург. Усталость спустилась внезапно, как будто ее принесла официантка вместе с чаем. Я поняла, что усну прямо здесь, за столом, – и попросила отвезти меня в гостиницу.

Друзья мои тоже устали. Да что там, вся Тверь готова была отойти ко сну прямо сейчас. Меня довели до дверей, здание было старое, без лифта. Девочка-администратор заполняла карту гостя и зевала, извиняясь. Я вскарабкалась на четвертый этаж, дошла до своей комнаты – она была угловой, на два окна. Бросила сумку в кресло, умылась, разделась. Не было сил закрыть портьеры, точнее, хватило только на одно окно и половинку второго: оно осталось полужакрытым, за ним тихо дрожал свет ночного фонаря.

Я уснула, по-моему, раньше, чем легла в кровать.

А проснулась незадолго до шести утра – и увидела на стене огромную сигарету.

Это была, конечно, не настоящая сигарета, а ее громадное и очень точное изображение, созданное солнечным светом и открытым окном. Сигарета висела передо мной во всей своей красе – я видела фильтр, колечко у фильтра и даже легкий дымок!

Видение продолжалось меньше минуты, оно растаяло так, словно его стерли со стены – точно тряпкой с доски.

Если бы я проснулась минутой позже, то никакой сигареты не увидела бы.

Святой Анне Кашинской, как выяснилось позже, довольно часто молятся об избавлении от вредных зависимостей. Моя борьба с курением давно уже стала анекдотом – я мечтала бросить эту привычку с того самого дня, как обзавелась ею. Чего-то уж только не пробовала! И пластыри, и таблетки, и иголки, и пари, и гипноз – ничего не помогало.

Пока святая Анна не зажгла для меня свою свечу. Высотой в два метра.

Час спустя я выбросила початую пачку сигарет в урну на Новоторжской улице. Я делала и раньше (бывало, что спустя какое-то время снова залезала в урну и доставала оттуда сигареты – этих слов из песни не выкинешь), но сейчас точно знала, что этот раз – последний.

Святые сами знают, кому и какой нужен знак.

А нам, грешным, надо лишь вовремя очнуться.

